

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНЦА XV–XVI ВЕКА (на примере троянской легенды)

Д.И. Гоц

Аннотация. Проблема генезиса идентичности являлась одним из ключевых аспектов культурной жизни Венецианской республики. Одним из важных сюжетов исторических хроник был вопрос античных корней Серениссимы. С XII по XV в. в венецианском историописании развивалась идея, что сам город и его республиканские традиции были заложены переселенцами из мифической Трои. В зависимости от политических убеждений авторы черпали различные аргументы из троянского наследия. Возведение своего линияжа к столь знатным предкам придавало Венеции особый статус и давало дополнительные основания для легитимации ее политических амбиций. Однако уже в начале XVI в. республиканские мыслители отказались от троянской легенды в качестве базы для конструирования уникальной венецианской идентичности. В данной статье будут рассмотрены политические и культурные причины, из-за которых произошла смена общественных ценностей и появление новых идеологических ориентиров для самоидентификации венецианской элиты.

Ключевые слова: троянская легенда и Венеция, конструирование венецианской идентичности, венецианское историописание, историки XV и XVI вв.

Для цитирования: Гоц Д.И. Конструирование идентичности в исторических нарративах Венецианской республики конца XV–XVI веков (на примере троянской легенды) // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Часть 2. С. 270–285. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-270-285

270

IDENTITY CONSTRUCTION IN THE HISTORICAL NARRATIVES OF THE REPUBLIC OF VENICE OF LATE XV–XVI CENTURIES (On the Example of the Trojan Legend)

D.I. Gots

Abstract. The problem of the genesis of identity was one of the key aspects of the cultural life of the Republic of Venice. One of the important subjects of historical chronicles was the question of Serenissima's ancient roots. From the twelfth to the fifteenth centuries, Venetian historiography developed the idea that the city itself and its republican traditions were founded by settlers from the mythical Troy. Depending on their political beliefs, authors drew different arguments from the Trojan heritage. The

© Гоц Д.И., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

elevation of one's lineage to such noble ancestors gave Venice a special status and provided additional grounds for legitimizing its political ambitions. However, as early as the beginning of the 16th century, republican thinkers abandoned the Trojan legend as a basis for constructing a unique Venetian identity. The article deals with the political and cultural reasons for the change in social values and the emergence of new ideological reference points for the self-identification of the Venetian elite.

Keywords: *Trojan legend and Venice, constructing the Venetian identity, Venetian historiography, historians of the XV and XVI centuries.*

Cite as: Gots D.I. Identity construction in the Historical Narratives of the Republic of Venice of Late XV and XVI Centuries (On the Example of the Trojan Legend). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 1, part 2, pp. 270–285. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-270-285

Вопросы самоидентификации политической элиты всегда имели тесную связь со знаниями о прошлом. Взгляды на историю и ее репрезентацию являлись значимыми факторами как для определения социальной структуры и системы отношений в обществе, так и формирования своего реноме на международной арене. Венецианская традиция историописания была показательным примером того, как конструирование нарративов влияет на восприятие истории и самоопределение социальных групп через призму минувших событий. Рецепция античных легенд и мифов демонстрирует изменения в восприятии венецианцев на уникальность и значимость своего города-государства.

Исследователь венецианской культуры П. Браун отмечает, что на формирование общественной идентичности Серениссимы повлияло ощущение недостатка связей с римской традицией [1, с. 6]. Небольшие поселения на островах не имели статуса римской коммуны. Малообитаемые пространства стали городом значительно позже.

Отсутствие политического континуитета с великими государствами древности ставило перед властными и культурными элитами Венеции вопрос о поиске или изобретении античных традиций. Античное наследие являлось одним из

культурных оснований, на базе которого в Средние века и раннее Новое время шло формирование общественной иерархии и строился символизм власти, связанный с ее сакрализацией [2, с. 488].

Л.П. Репина, анализируя процессы развития образов, конституирующих социум, отмечает, что события прошлого в нарративах являются объектом конструирования коллективной памяти. Господствующие в обществе принципы отбора сведений и их интерпретация оказывают заметное влияние на формирование настроений и представлений об окружающей социальной действительности [3, с. 5].

Примером конструирования идентичности может служить феномен «троянского мифа», прослеживаемый в хрониках Венеции в период с XII по XVI в. Легенда достигла своего расцвета в конце XIII — начале XIV в., являясь инструментом для аргументации идей противоположных политических течений, однако к XVI в. культурные и политические изменения повлияли на забвение илионской легенды.

Можно сформулировать исследовательскую задачу, связанную с анализом эволюции взглядов хронистов на проблемы конструирования идентичности в контексте событий конца XV и начала

XVI в. на примере троянского мифа. Понять, как изменилось отношение венецианских авторов к троянской легенде, почему переформатировались данные образы или вообще были забыты и оставлены из-за потери своей актуальности.

Для решения данной задачи необходимо ответить на несколько промежуточных вопросов. Во-первых, рассмотреть генезис и влияние троянской легенды на политическую культуру Венеции и понять изменения в коннотациях легенды в связи с историческим контекстом. Во-вторых, проанализировать те перемены, которые повлияли на смещение внимания интеллектуальных кругов в сторону иных мифологем. В-третьих, проанализировать изменения в самовосприятии и самоидентификации людей раннего Нового времени, какие новые ориентиры становились для них определяющими.

Греки, начиная с архаического периода, связывали пространства Венето и Трои в контексте своих мифов и легенд [4, с. 36]. В восприятии греков V–IV вв. до н. э. троянцы были не эллинами, но и не радикально отличались от них [там же, с. 39]. Венецианцы являлись партнерами, обеспечивавшими транзитную торговлю между афинянами и этрусками. Греки маркировали местное население в контексте собственных традиций для облегчения дипломатической деятельности. Также в представлениях древних троянский герой Антенор прибыл в район современной Падуи, где основал свое поселение. Аборигены могли воспринять данное сказание, положив его в основу мифа о своем происхождении.

Образы троянцев и Антенора были воспеты Софоклом в утерянной сегодня трагедии «Антенориды», которая позднее была воспринята и в римской традиции [5, с. 15–32]. Во время покорения Греции римлянами эллины начали изображать

Энея, а вслед за ним и Антенора в качестве предателей, бежавших из Трои [4, с. 43]. В эпоху Августа повествование об илионцах снова приобретает героический оттенок. Выходца из Трои упоминают Ливий, Овидий и Вергилий [там же, с. 42–43]. В «Энеиде» Антенор был представлен как основатель новой Трои и тот, кто сложил оружие еще раньше Энея. Миф об Антеноре приобрел коннотации, связанные с миром и созидательным трудом.

В Средние века троянская легенда с традициями различных интерпретаций не исчезает. В частности, латинские комментарии о трудах Гомера сохранили негативные оценки личности Антенора [6, с. 36]. Позднеантичные тексты III–VI вв., «История» Диктиса Критского и «Дневник» Дарета Фригийского, созданные анонимными авторами, давали вольный пересказ событиям «Илиады», демонстрируя неправдоподобность повествования Гомера. Средневековые писатели, к примеру, Бенуа де Сент-Мор (XII в.), создавший «Роман о Трое», доверяли этим «лжесвидетельствам» и воспринимали их как подлинные рассказы участников событий [7, с. 83].

Хронисты, следуя литературной традиции, с XII в. стали связывать основание Венеции с выходцами из Трои [4, с. 45]. П. Браун указывает, что первое упоминание о Трое имеется в анонимной хронике «Происхождение итальянского или венецианского государства» [8]. В тексте появляется Антенор, прибывающий в лагуну, где основывает Аквилею. Источником сведений для автора, скорее всего, был Вергилий.

В периоды раннего и высокого Средневековья одним из способов обоснования своих властных амбиций становится возведение своей родословной к античным предкам. При этом в английской и французской

литературных традициях отдавалось предпочтение троянской легенде [9].

Венецианский патрициат также использовал троянские образы в своих интересах, т. к. изменения в политическом статусе Республики требовали новых объяснений и обоснований. В результате успешного участия в важнейших политических событиях Европы, таких как IV крестовый поход в 1204 г., Венеция стала одной из богатейших и влиятельных держав в Европе, что побудило интеллектуалов создавать образы более выдающегося прошлого, которые выдержали бы сравнение и с исторической традицией Рима и Константинополя [8].

П. Браун выделяет несколько направлений использования троянской легенды в венецианской системе политических идеалов и мотиваций [там же]. С одной стороны, миф позволял опираться на традиции культуры и гражданского строительства, исторический горизонт которых был сопоставим с римским и византийским и даже превосходил их. Миф являлся выражением свободолюбия и независимости от чужого влияния с момента основания города. С другой стороны, троянская тема служила оправданием территориальных притязаний Серениссимы, ее имперских амбиций.

Материалы троянской легенды часто являлись аргументами для сторонников самых разных политических ориентаций в Венецианском социуме. Можно выделить несколько политических групп, полюсами размежевания которых являлись отношение к усиливающемуся патрициату и поддержка или осуждение активной милитаристской политики элиты. Если автор был сторонником аристократической власти, то он старался показать и подобрать такие образы, которые демонстрировали предопределенность величия Венеции с самого начала ее

исторического пути на основе коллективного труда благородных троянцев. Противники усиления крупных кланов возводили истоки славного прошлого к личностям великих героев. Вероятно, такая персонификация являлась скрытой аллюзией, поддерживающей усиление властных полномочий дожа. Несмотря на идейные противоречия, можно видеть, как в течении XIII–XV вв. шло становление и развитие образов, кристаллизуясь в общий для хронистики троянский топос.

Одним из первых текстов, в котором троянская легенда использовалась для поддержки аристократии, была хроника Мартино да Канале (1267 г.). В тексте уже содержатся сведения об основании Венеции троянцами. Расселившись по Северной Италии, выходцы с Илиона были вынуждены бежать к берегам лагуны из-за похода Атилы [10, с. 194–213]. Автор так описывает события: «Но случилось, что из-за этого несчастья знать из женщин и мужчин (троянцев) бежала из этих городов (Северной Италии) по направлению к морю и нашли за морским берегом земляные пригорки, и построили на них многие красивые города». Автор указывает, что троянцы «везли с собой большое количество золота и серебра» и построили «<...> красивые церкви, колокольни <...>» [11, с. 275]. Можно предположить, что упоминание материальных ценностей связывалось с крестовым походом на Константинополь. В результате ограбления ромеев в Венецию попало множество сокровищ и произведений искусства. Правящие круги стремились подчеркнуть легитимность данных приобретений, вписывая новоприобретенные объекты в культурный контекст города. Оставляя в забвении первоначальное происхождение богатств, в общественной памяти создавались образы, которые должны были демонстрировать глубокие корни

венецианской аристократии, связанной с античными, а скорее, византийскими реликвиями, т. к. именно знатные семьи принесли городу богатство и благополучие. Не случайно в 1268 г. была осуществлена избирательная реформа, усиливавшая позиции патрициата на выборах дожа и оттеснявшая от урн народную ассамблею [12, с. 253–254]. Мартино да Канале, привлекая троянские сюжеты, стремился подчеркнуть конституирующую общественную роль венецианского нобилитета, стоявшего у истоков гармоничных республиканских порядков.

Тема коллективного основания Венеции нашла свое наиболее полное отражение в хронике Марко (1292 г.). Вероятно, автор был вовлечен в политическую борьбу, в рамках которой в 1297 г. был принят закон о наследственном занятии должностей в Большом совете, что усилило влияние наиболее важных патрицианских семей [13, с. 106–112]. Юридические изменения требовали легитимации, которая демонстрировала бы благо от сосредоточения власти в руках наиболее достойных, кому была уготована роль правителей. Марко пишет следующее о становлении властной традиции: «Троянцы <...> прибыли к некоторому острову, где теперь венецианская коммуна была возведена, <...>. Между тем, действительно, мало-помалу приумножались троянцы на острове, туда из различных краев стекаясь, и остров привлекал внимание из-за своего удивительного процветания» [14, с. 198]. Ш. Дас и Л. Браччези указывают, что именно Марко подчеркивал основание города группой свободных и независимых троянцев, указывая на второстепенность личности Антенора [6, с. 45; 15, с. 99]. В хронике приводятся следующие сведения о появлении советника Приама: «Однако Антенор <...> прибыл на судне из-за границы <...>»

[14, с. 198]. Троянский герой должен был прислушиваться и учитывать мнения социума, т. е. в интеллектуальной среде подводилась доказательная база о резонансности властвования аристократической корпорации, аргументируемая исторической традицией. В обществе развивался и насаждался образ перманентного существования подобной властной системы.

Ш. Дас отмечает, что Марко возвещивал мудрость и стремление своих предков к миру [15, с. 102]. Хронист так аргументирует данную мысль: «<...> и планировали (троянцы), выбирая между собой место пребывания, которое было подходящим и от всякой власти свободным, чтобы там возвести свое пристанище. Они подготовили часть судов для расширения пространства у острова и принесли строевое дерево, и возводили жилища для тех самых оставшихся» [14, с. 198]. По версии хрониста начало венецианской истории не было омрачено кровавыми событиями. Марко показывал, что достигнутые Серениссимой успехи были результатом мудрой и взвешенной политики, базирующейся на стремлении к миру и гармонии. Если римляне достигали своих целей силой, то венецианцы шли дальше и действовали более рассудочно и благородно. Все помыслы и философия правящей группы (в интерпретации хрониста) были очень близки идеям Аристотеля об «общественном благе» [16, с. 232]. Правящий класс целенаправленно создавал видимость заботы о жителях Республики и всех тех, кто искал защиты у Сеньории. Венеция якобы прикладывала все силы, чтобы помочь нуждающимся. Конфликтные ситуации демонстрировались через призму данной концепции, представляя Серениссиму в качестве поборницы и заступницы своих и чужих интересов, которая не могла быть агрессором по определению.

Можно сделать вывод, что троянские сюжеты в XIII–XIV вв. были одним из инструментов легитимации внутренних и внешних политических решений в Венеции. Г.Г. Майоров отмечает, что «характерными свойствами средневекового мышления вообще и философского в частности являются ретроспективность и традиционализм, т. е. обращенность в прошлое. Чем древнее, тем подлиннее, чем подлиннее, тем истиннее <...>» [17, с. 9]. То есть отсылка к древнему истоку была весомым символическим аргументом, позволявшим выстраивать и мотивировать изменения, делая их обыденными и привычными для читателей хроник, которые воспринимаются в качестве естественного и единственно возможного описания прошлого, где с самого начала венецианской истории ведущая роль принадлежала благородной аристократии.

Однако в некоторых текстах существуют расхождения в интерпретации троянской легенды с основным историческим каноном, к примеру, в труде, именуемом хроникой «Энрико Дандоло». В тексте присутствуют описания, которые возводят происхождение Венеции не к группе троянцев, а отдельным историческим личностям: «<...> было две Венеции: первая была той, о которой говорится в античных историях, основателем которой был Антенор, и это было немного позже разрушения великой Трои <...>» [18, с. 5], т. е. автор подчеркивает роль героя в основании города. Подобный акцент демонстрировал, что властная система Республики изначально базировалась не на коллективном взаимодействии благородных, от которых пошла аристократическая тенденция. Вероятно, такая концепция ставила под сомнение легитимацию реформ, дававших патрициям исключительные полномочия на власть. Традиция власти дожа брала свое начало от Энея:

«И там избирали между собой господина и государя, которого называли Дожем, берущего это имя от вождя Энея, от своего дальнего предка и из Трои прибывшего, и это распоряжение и указ, вечно соблюдаемый вплоть до сегодняшнего дня в Венеции, как можно видеть» [там же, с. 14]. Следовательно, происхождение и персонафикация политических полномочий шла не от социума, а от древнего предка, который был основателем и самого Рима.

Можно предположить, что использование образов троянских героев было связано не только с контекстом внутренней борьбы элит, но и вопросами внешней политики. Апелляция к Энею и Антенору позволяла выдвинуть аргументированные требования к расширению владений Республики. Данная концепция базировалась не на стремлении к миру и защите несправедливо обиженных, а к более открытой экспансии. Историческое сходство в происхождении с Римом и даже превосходство над ним, которое актуализировалось с помощью более раннего прибытия Энея на север Апеннин, чем в Лаций, дополнительное присутствие Антенора предоставляли венецианцам доводы для овладения территориями, которые ранее входили в состав империи. С.С. Аверинцев отмечает, что Римская империя на Западе исчезла только в качестве субъекта реальной политики, однако символы и образы власти продолжали сохранять свое значение в новой этнокультурной реальности. В Средние века различные политические силы активно задействовали их [19, с. 59–91]. Одним из путей в уравнении своего статуса с величием Рима был поиск общих легендарных предков, связь с которыми служила основанием для проведения внешней политики, подобной римской, т. е. легитимировалось право борьбы за имперское наследие.

После захвата Константинополя дож Венеции получил дополнительный титул «Господин четверти и полчетверти всей Римской империи», для обоснования которого, по мнению А. Кариле, стало необходимо обращение к нормам имперского права. Итальянский историк указывает цепь рассуждений, в соответствии с которой выстраивалась аргументация для закрепления результатов завоеваний и дальнейшей экспансии. По мнению хронистов, Венеция была воздвигнута на территории римской провинции и являлась ее политическим центром, что давало основания для возобновления контроля данных пространств. Кроме того, власти Республики стремились доказать, что Антенор основал античную административную единицу. Подобный факт в еще большей степени оправдывал амбиции Венеции, приравнивая историю города-государства к имперским традициям Рима. Историческая связь с Тройей давала Серениссиме обоснование, по сути, сопоставимое с образами, созданными Вергилием, в представлениях людей эпохи Средних веков [20, с. 59]. По версии венецианцев, поход на Константинополь не мог оцениваться как покушение на императорскую власть, поскольку Венеция и сама являлась легитимным носителем власти, сопоставимой с имперской, что обосновывалось с помощью нарративов XIII–XIV вв.

Л. Браччези указывает, что троянская легенда была важна для венецианской политики на материке [4, с. 45]. Он сосредоточивает внимание на личности Антенора и рассуждает о том, что его деяния возвеличивались в исторических сочинениях падуанцев. Жители Падуи так чтили своего предка, что построили помпезное надгробие в XIII в. на месте предполагаемого захоронения. При этом венецианцы высмеивали образ Антенора, почитаемый в Падуе [там же, с. 47]. Венеция,

конкурируя с родом Каррара, создавала и легитимировала свою концепцию, не связанную с тенью «падуанского основоположника». Республиканские писатели, обращаясь к Антенору, старались создать символический образ, демонстрирующий исключительное право Венеции на илионское наследие и безосновательность претензий иных эпигонов. Автор хроники Э. Дандоло отмечает основание следующих городов на материке предками венецианцев: «<...> из них многие знатнейшие троянцы добрались в Тревизо и возвели Конкордию, Альтинию, Аквилею, Одерцо, Беллуно, Азоло, Адрию и многие другие города и места» [18, с. 8]. Можно предположить, что перечисленные населенные пункты являлись исключительной сферой интересов Республики, которые находились в зависимости от нее.

В хронике Э. Дандоло, созданной в 60 гг. XIV в., отразились многочисленные переживания автора, связанные как с генуэзской войной, так и конфликтами с соседями за контроль территорий рядом с Венецией. Можно предположить, что тревоги хрониста нашли отражение и в пересказе троянской легенды, с помощью которой он хотел укрепить веру в успех родины. Серениссима, обладая значительными силами, больше не могла довольствоваться только миролюбивыми образами, что заставляло мыслителей искать в истории основания для ведения более воинственной внешней политики.

Идеи сильной власти дожа, изложенные в хронике Э. Дандоло, перестали играть столь заметную роль уже в XV в. Возведение исторических основ Венецианской республики к имперским образам Рима теряют актуальность в политической культуре. Властная патрицианская элита стала вести более строгий надзор за теми, кто занимался литературным творчеством. Примером такой политики

может служить судьба выходца из знаменитой аристократической фамилии Морозини Антонио. Венецианский автор первой половины XV в., продолжая хронику Э. Дандоло [21, с. 9–21], рассматривал критически венецианскую историю и политику. Сеньория заставила летописца отказаться от своих трудов [22, с. 264].

Случай Антонио Морозини был исключением, преобладающей тенденцией в системе отношений внутри патрициата было стремление к поиску компромиссов, т. е. представители политической элиты стремились договариваться между собой даже в условиях острых внутренних противоречий. Не все историки разделяют данную точку зрения. Д. Квеллер в своем труде стремился показать, что венецианская гармония и патриотизм были скорее исключением, чем правилом [23, с. 9–10]. Р. Финли, на мой взгляд, предлагает наиболее достоверное объяснение данного паттерна поведения: эгоистические мотивы патрициев были тесно взаимосвязаны из-за выборной системы. При распределении назначений требовалось взаимодействие различных кланов. Для устойчивого функционирования избирательной системы аристократам необходимо было учитывать интересы других и умерять свою гордость и амбиции, чтобы получать голоса [24, с. 362]. Кроме того, опасность волнений заставляла патрициев думать о потребностях низов. Социальная обстановка сплоченности и взаимосвязанности способствовала культивированию таких этических ценностей, как жертвенность и готовность к самоотречению. В литературных источниках жизнь и отношения в Венеции идеализировались в миф о коммуне, управляемой мудрецами, где нет места плеонексии, что было значительным преувеличением в действительности.

Д. Грабб указывает, что отражением венецианской идеологии в хронистике

стало отсутствие внимания авторов к действиям отдельных семейных кланов или личностей. Основным интерес уделялся всему сословию нобилей, которое рассматривалось в качестве коллективного исторического субъекта в XIV–XV вв. [25, с. 377]. Передача воспоминаний строилась на основе прославления созидательного труда всей правящей группы, кристаллизуясь в концепции общей для города-государства традиции прошлого, т. е. представители политической элиты Серениссимы могли обладать и распоряжаться особым статусом, апеллируя к своей идентичности только в рамках групповой самоидентификации.

Политическая борьба, развернувшаяся в XIV в. из-за усиления крупного патрициата, несла с собой новые взгляды и методы на идеологическую работу. Стремление предотвратить в зачатке волнения, подобные заговору Баямонте Тьеполо (1310) или попытке узурпации власти Марино Фальера (1355), заставляли власти строже цензурировать литературные труды [22, с. 264; 26, с. 249–259]. Стоит отметить, что недовольство не имело очень широкого распространения и не привело к коренным общественным изменениям. Патрициям удалось сконцентрировать основные рычаги власти в узком совещательном органе — Сенате — и системе исполнительных советов. Победившая сторона стремилась распространить более подходящую систему идей и образов, удовлетворявшую их цели для укрепления достигнутых результатов. Одним из направлений культурной политики стала работа по переосмыслению троянской легенды.

Д. Грабб отмечает, что тенденция сопоставления Венеции и Рима, почвой для которой могли быть илионская легенда и особенно «Энеида» Вергилия, теряет свою популярность. Венецианские

мыслители подчеркивали исключительность и уникальность своей Республики и ее политической системы, указывая на особые достоинства нобилей Серениссымы [27, с. 16]. Венеция не нуждалась в имперских образах как во внутренней политике, так и внешней.

Ш. Дас также фиксирует, что в XV–XVI вв. троянская легенда в интерпретации хрониста Марко стала частью знаменитого венецианского мифа [15, с. 108–112]. Долгую жизнь данной концепции обеспечила ее совместимость с политической идеологией венецианского патрициата [там же, с. 108–112], где имели место следующие моменты сходства. Во-первых, интерпретация Марко возвеличивала принципы коллективности и сплоченности достойнейших аристократов, которые с помощью своей скромности и добродетельности выстроили наиболее совершенную и долговечную политическую систему. Во-вторых, в отношении внешней политики данная историографическая традиция имела антиимперский характер, т. к. Венеция шла в соседние города под флагом освобождения от пут тирании. Г. Веронези указывает, что в Республике культивировались представления о божественном покровительстве их мирного, мудрого и стремящегося к равенству политического строя [28, с. 46]. Правящие круги стремились насадить образ мирного присоединения, несущего стабильность и справедливое республиканское правление, т. е. имперский универсализм был чужд венецианским хроникам.

В историческом труде известного гуманиста Марко Антонио Сабеллико, опубликованного в 1487 г. [29], отражаются политические воззрения, демонстрирующие уникальность и неповторимость венецианской истории даже в сравнении с римской: «Но во имя святости законов, справедливости правосудия и добродетели

<...> венецианские вещи (сюжеты), поставленные в сравнение с римскими, не будут не только пребывать ниже них (римских сюжетов), но гораздо лучшими признаны <...>» [30, с. 3]. Вероятно, автор хотел выдвинуть тезис, что судьба Республики настолько неповторима и уникальна, что не нуждается в сопоставлении с прошлым иных государств. Следовательно, он скрыто подчеркивал совершенство властных институтов, которые не имеют аналогов и сами служат образцом общественной организации. Венецианский автор также обращался к троянским сюжетам, но делал это более критично. М.А. Сабеллико рассматривает несколько трактовок происхождения венецианцев, указывая, к примеру, гальскую версию их происхождения и илионскую, обращаясь к трудам Полибия, Страбона, Ливия [там же, с. 4–5]. По мнению гуманиста, версией, вызывающей наибольшее доверие, является троянская: «<...> меня побуждает верить, что веныты прибыли с Антенором в Италию. <...> Что действительно прибытие Антенора имело место в области Адриатического моря; не только венецианцы, которые с ним в компании были, этому событию дают доказательства, но и убежденность, потому что место, в котором первоначально высадились (венецианцы), изначально называлось «Троей», потом данное имя здесь осталось у области, то есть троянского поселения» [там же, с. 4]. Можно сделать вывод, что сохраняется определенная преемственность с более ранними традициями возведения венецианской истории к Трое и личности Антенора. Однако из текста исчезают политические коннотации, троянцы или их предводитель не указывались в качестве основателей венецианской властной системы. Как подчеркивает Ш. Дас, внимание авторов смещается в сторону

христианской риторики, дававшей больше возможностей для развития тем справедливости и умиротворения [15, с. 103].

Ш. Дас отмечает, что две работы повлияли на изменение представлений о троянском прошлом: Бернардо Джустиниани «О происхождении града Венецианского» (1493) и Гаспаро Контарини «О магистратах и устройстве Венецианской республики» (1531) [там же, с. 105]. Оба мыслителя, хотя и ставили в своих трудах различные цели и задачи, говорили о коллективном основании Республики, подходя с критикой к илионскому мифу, прославляя мир и республиканскую гармонию, благословленные Святым Марком [там же, с. 106–109]. Авторы полагали, что политическая идиллия обеспечивается за счет баланса мудрых законов и общественных отношений, в которых местные традиции и интересы были антитезой имперских. Увеличение фактических знаний о своем прошлом, развитие более строгого аналитического и логического аппарата в выборе сведений и их верификации, генезис мифа о Святом Марке, который в большей степени удовлетворял общественные представления, изменили концепцию троянской легенды. Образы илионских праотцов были переосмыслены и переработаны в более нейтральную, не имеющую отношения к античному язычеству, концепцию о предках, во времена которых в Республике сложилась совершенная система управления [там же, с. 111].

Л. Брачези полагает, что основной причиной отказа Сеньории от использования троянского мифа стало поражение при Аньяделло [6, с. 38]. Итальянские войны оказали очень сильное влияние на переосмысление внутренней и внешней политики патрицианских кругов. Французские и имперские армии, победив силы Республики в 1509 г., лишили Серениссиму ее владений на терраферме.

Во время наступления противников многие местные элиты, например, Падуи поддерживали приближавшегося агрессора [31, с. 146]. Только в 1516 г. Сеньории удалось восстановить контроль территорий и закрепить свое влияние над ними по условиям Болонского мира (1529–1530) [там же, с. 127]. Тяжелые поражения показали слабость Серениссимы, что заставило власти изменить политическую стратегию. Теперь Венеция не стремилась к экспансии, а старалась сохранить уже приобретенное, выстраивая более крепкую вертикаль власти на местах. Агрессивные мифологические образы, связанные с Троей и Римом, которые питали военные настроения, были уже не нужны. Республика стремилась к миру и справедливости [28, с. 61].

Тяжелейшие поражения Венеции на суше и море в начале XVI в. определяли конфигурацию отношений внутри Республики [32]. Если до Итальянских войн среди патрициев в Серениссиме господствовали такие идеологические установки, как меритократия и поддержание социальной стабильности, то в кризисных условиях частные интересы стали противоречить родовым ценностям и принципам коллективного взаимодействия. Власть сосредоточивалась в руках первых патрициев, руководивших исполнительными советами, которые ради сохранения своего положения стремились подавить сопротивление обедневших аристократов [24, с. 245–248]. По мнению Б. Думерка, представители знати осознавали несоответствие слов и реалий, стремясь представить узурпацию власти в выгодном для себя свете, насаждая миф о поддержке и покровительстве венецианских идеалов [32]. Цели, преследуемые политической элитой, не могли быть достигнуты с помощью индивидуалистических или воинственных тем, которые

в большей степени соответствовали троянскому мифу. Кроме того, языческая основа легенды противоречила христианским добродетелям. В данном контексте отход от античных политических образцов может быть проиллюстрирован словами Г. Контарини, который был выразителем идей и ценностей высшей аристократии: «В Афинах, Лакедемонии и Риме некоторые граждане отличались добронравием и любовью к общему благу, но вследствие своей малочисленности в окружении толпы они не могли как следует послужить отечеству. Наши же предки, оставившие нам в наследство столь славное государство, все как один ревностно пеклись о его укреплении, о расширении его границ, почти не думая о собственных интересах и почестях» [33, с. 54]. Античные образцы уже не рассматривались в качестве сопоставимых с венецианскими идеалами. Республиканские идеологи в XVI в. в своей риторике так высоко ставили свое государство, что оно в моральном плане являлось наивысшей ценностью, не имевшей аналогов. Следовательно, общественная мысль становилась свободной от авторитетов прошлого, возвеличивая собственную значимость и самоценность, дрейфуя от исторических аргументов к более умозрительным. Можно предположить, что шел процесс формирования нового мировосприятия, где современное общество и реальность становились главными ориентирами для человека, не требующими обоснований в самом далеком прошлом.

Отход от троянского наследия имел место не только в исторических трудах и трактатах, где демонстрировалась полная лояльность Сеньории. Авторы, рассматривавшие прошлое Венеции более критично, также отказывались от старого мировосприятия. К примеру, в труде Марино Санудо «Жизни дождей венецианских»,

создававшемся в период с 1493 по 1530 гг. [34], приводятся следующие сведения об основании Венеции: «<...> в году 421 в день двадцать пятый марта (Венеция) имела свое начало не от пастухов, как Рим, но от власть имущих и знатных, которые спасались от преследования Аттилы <...>» [35, с. 1]. М. Санудо приводит данное описание в первом предложении, снова обращаясь к абстрактным предкам, бывшим более знатными и достойными, чем основатели Вечного города. Троянская тематика освещалась следующим образом: «<...> и так было дано имя городу Венеции или же от названия провинции, или от венетов, народа, который прибыл из Пафлагонии с Антенором, троянцем, после разрушения Трои и в этих холмах Эуганских основали город Патавий» [там же, с. 2]. Можно сделать вывод, что М. Санудо рассматривает прибытие Антенора и строительство Венеции как два совершенно разных события. То есть основоположниками главных принципов и правил в жизни Республики были люди, проживавшие в эпоху, отстоящую от падения Илиона.

В хронике Джан Джакомо Карольдо, создававшейся в 1520–30 гг., троянское наследие упоминается в контексте нашествия гуннов и бегства жителей террафермы на острова: «И потому что не были достаточными эти острова для проживания такого множества, тогда был найден небольшой участок суши или скала не очень далеко от устья гавани, на котором оказались древние стены, было известно, что это было пристанище троянцев, которые под предводительством Антенора после разрушения Трои прибыли для проживания в это место, где была крепость, ранее называвшаяся Троей <...>» [36, с. 42]. Предложенная репрезентация событий еще раз демонстрирует отсутствие прямых связей между

происхождением Венеции и появлением троянцев. Д.Д. Карольдо, отмечая существование древней легенды, не рассматривал ее в качестве аргумента или особого доказательства. Хронист не видел исторической связи между двумя социумами, полагая, что прибытие илионцев значительно отстояло по времени от войн с Аттилой.

Приведенные источники позволяют сделать вывод, что общественные изменения начала XVI в. послужили катализатором отдаления мыслителей от троянской легенды. Новые социальные реалии требовали уже других образов и концепций.

Заключение

Образы Трои долгое время были важной частью венецианского самовосприятия. Пропуская через свое сознание древнюю легенду, авторы трудов создавали политические концепции и системы образов, оказывавших заметное влияние на представления о власти в Средние века. Данные интерпретационные модели являлись легитимацией внутренних и внешних изменений во властных традициях и использовались самыми разными силами. Илионские образы трактовались не в рамках античных канонов, а, скорее, в меру собственных потребностей в зависимости от текущего момента. Можно предположить, что попытки сопоставления Венеции с Римом олицетворяли значительные политические амбиции, имевшиеся у аристократических кругов Республики.

В XIII–XIV вв. Венеция начинает играть одну из ключевых ролей в системе европейских и средиземноморских отношений. Параллельно с более активной внешней политикой и внутренними изменениями, связанными с концентрацией в руках патрициата всей политической власти в Республике, переосмысливаются и взгляды на прошлое Серениссимы. В

частности, в традиции хронистики распространяется концепция о влиянии переселенцев из Трои на становление совершенного в политическом отношении строя Венеции.

Однако накопление культурных знаний и тяжелые политические поражения конца XV и начала XVI вв., особенно травма 1509 г., отдалили от общественного фокуса внимания троянскую образность. Теперь илионская символика казалась инородной, несвязанной с реальностью. С одной стороны, троянская история не укладывалась в исторический континуитет связи с Республикой, являясь значительно более ранним событием. С другой, патетика, демонстрирующая исторические корни, находящиеся глубже римских, но и подчеркивающая сильные языческие основания, не была актуальна. Новые условия диктовали необходимость обратиться к образам, содержание которых отражало христианские добродетели и более современные реалии. Больше Венеция не могла давать отпор ведущим европейским державам ни в военном, ни в экономическом соперничестве, что показывало несостоятельность Республики и ее насущную потребность в выборе более мирной риторики во избежание прямого конфликта и столкновения с новыми политическими тяжеловесами.

В новых условиях военные столкновения могли бы погубить Республику. Эта угроза заставляла мыслителей изображать исторические и современные политические устремления Серениссимы в качестве образцов благородных мирных устремлений и свобод, не имеющих других примеров в истории, т. е. Венеция в данной интерпретации никогда не могла вести несправедливых или захватнических войн. Аристократы Венеции достигли тех степеней добродетели, которые соответствуют высшим идеалам. В своей

идентификации направленность на современность стала преобладающей, в то же время связь с прошлым приобрела ритуальный характер, переставая быть важным аргументом в политической литературе.

Историческая традиция аргументации, меняя свой вектор, заставляла человека подумать, как развивается реальность. Теперь индивид мог подумать, что его

самоопределение не находится исключительно во власти прошлого. Потрясения, имевшие место в начале XVI в., демонстрировали важность настоящего момента без оглядки на далекое прошлое и его безосновательных объяснительных концепций. Освобождение от оков довлеющих авторитетов было началом движения к новым горизонтам как в вопросах самопознания, так и анализа общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Brown, P.F.* Venice and Antiquity. New Haven & London: Yale University Press, 1996. 361 p.
2. *Бойцов, М.А.* Величие и смирение. М.: Росспэн, 2009. 549 с.
3. Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
4. *Braccesi, L.* Il mito troiano realtà e leggenda // *Lezioni Marciane 2013–2014: Venezia prima di Venezia: archeologia e mito, alle origini di un'identità.* 2015. No. 1. P. 35–50.
5. *Braccesi, L.* La leggenda di Antenore: dalla Troade al Veneto. Padova: Marsilio, 1997. 184 p.
6. *Braccesi, L.* Venezia e il mito troiano, realtà e leggenda // *Hesperia.* 2021. No. 38. P. 29–40.
7. *Маслов, А.Н.* Неслучайные очевидцы Троянской войны, или еще раз о времени и правде свидетельства в средневековой традиции // *Социология власти.* 2016. Т. 28. № 2. С. 78–115.
8. *Brown, P.F.* Born Free and Christian: The Origins of Venice According to the Chronicle Tradition. 2007. URL: https://www.academia.edu/3278550/Born_Free_and_Christian_the_Origins_of_Venice_According_to_the_Chronicle_Tradition (дата обращения: 11.11.2022).
9. *Poucet, J.* Le mythe de l'origine troyenne au Moyen âge et à la Renaissance: un exemple d'idéologie politique // *Folia Electronica Classica.* 2003. No. 5. URL: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/05/anthenor2.html> (дата обращения: 11.11.2022).
10. *Лукин, П.В.* Новгород и Венеция. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.
11. *Martino da Canale.* La cronaca dei Veneziani // *Archivio storico italiano.* 1845. Vol. 8. 798 p.
12. *Cessi, R.* Storia della Repubblica di Venezia. Milano: Casa editrice Giuseppe Principato, 1968. Vol. 1. 434 p.
13. *Cracco, G.* Venezia nel medioevo dal secolo XI al secolo XIV. Torino: Utet libreria, 1986. 166 p.
14. *Marco.* Frammenti della cronaca di Marco // *Archivio Veneto.* 1881. Vol. 22. Parte 2. 364 p.
15. *Das, S.* The Disappearance of the Trojan Legend in the Historiography of Venice // *Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe* / eds. A. Shepard, S. Powell. Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2004. P. 97–114.
16. *King, M.L.* Umanesimo e patriziato a Venezia nel quattrocento. Roma: Il Veltro editrice, 1989. Vol. 1. 354 p.
17. *Майоров, Г.Г.* Формирование средневековой философии. М.: Мысль, 1979. 431 с.
18. *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini — 1362)* / A cura di R. Pesce. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali "E.A. Cicogna", 2010. 185 p.
19. *Аверинцев, С.С.* Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005. 365 с.

20. *Carile, A.* Le origini di Venezia nella cronachistica veneziana, la memoria fittizia dell'aristocrazia lagunare // *Lezioni Marciane 2013–2014: Venezia prima di Venezia: archeologia e mito, alle origini di un'identità.* 2015. No. 1. P. 51–75.
21. *Morosini, A.* The Morosini Codex / eds. M.P. Ghezzi, J.R. Melville-Jones, A. Rizzi. Padua: Unipress, 1999. 151 p.
22. *Оке, Ж.-К.* Средневековая Венеция / пер. с франц. М.А. Черепихина. М.: Вече, 2014. 384 с.
23. *Donald, Q.E.* Il patriziato veneziano, la realtà contro il mito. Roma: Il Veltro editrice, 1987. 481 p.
24. *Finlay, R.* La vita politica nella Venezia del Rinascimento. Milano: Jaca Book, 1982. 381 p.
25. *Grubb, J.S.* Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep Ricordanze // *Renaissance Studies.* 1994. Vol. 8. No. 4. P. 375–387.
26. *Лейн, Ф.* Золотой век Венецианской республики / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2017. 607 с.
27. *Grubb, J.S.* Firstborn of Venice. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1988. 238 p.
28. *Veronesi, G.P.* Collateral Promoters of the Venetian Myth: Veronese Chronicles in the Age of Venetian Hegemony. PhD thesis. Akron, USA, 2015. 507 p.
29. *Tateo, F.* Coccio, Marcantonio, ditto Marcantonio Sabellico // *Dizionario Biografico degli Italiani.* 1982. Vol. 26. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/coccio-marcantonio-detto-marcantonio-sabellico_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 11.11.2022).
30. *Sabellico, M.A.* Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico. Venezia: Curtio Troiano Navò, 1544. 293 p.
31. *Knapton, M.* Venezia e la Terraferma // *Lo Stato del Rinascimento in Italia 1350–1520 / a cura di A. Gamberini, I. Lazzarini.* Roma: Viella, 2014. P. 125–149.
32. *Doumerc, B.* Novus rerum nascitur ordo: Venise et la fin d'un monde (1495–1511) // *Chemins d'outre-mer.* 2004. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/3940> (дата обращения: 11.11.2022).
33. *Контарини, Г.* О магистратах и устройстве Венецианской республики / пер. с лат. М.А. Юсим. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 222 с.
34. *Melchiorre, M.* Sanudo, Marino il Giovane // *Dizionario Biografico degli Italiani.* 2017. Vol. 90. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 11.11.2022).
35. *Sanudo, M.* Le vite dei dogi di Marin Sanudo // *Rerum italicarum scriptores.* 1900. Vol. 22. Parte IV. 576 p.
36. *Caroldo, G.G.* Istorie venețiene. Vol. I // *Ediție îngrijită de Șerban V. Marin.* București: Arhivele Naționale ale României, 2008. 296 p.

REFERENCES

1. Brown, P.F. *Venice and Antiquity.* New Haven & London, Yale University Press, 1996, 361 p.
2. Boytsov, M.A. *Velichie i smirenje* [Majesty and Humility]. Moscow, Rosspen, 2009, 549 p. (in Russ.)
3. *Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat i narrativy nacionalnoj identichnosti: kollektivnaya monografiya* [The Past for the Present: History-Memory and the Narrative of National Identity: A Collective Monograph], ed. by L.P. Repina. Moscow, Akvilon, 2020, 464 p. (in Russ.)

4. Braccesi, L. Il mito troiano realtà e leggenda, *Lezioni Marciane 2013–2014: Venezia prima di Venezia: archeologia e mito, alle origini di un'identità*, 2015, No. 1, pp. 35–50.
5. Braccesi, L. *La leggenda di Antenore: dalla Troade al Veneto*. Padova, Marsilio, 1997, 184 p.
6. Braccesi, L. Venezia e il mito troiano, realtà e leggenda, *Hesperia*, 2021, No. 38, pp. 29–40.
7. Maslov, A.N. Nesluchajnye ochevidcy Troyanskoj vojny, ili eshche raz o vremeni i pravde svidetelstva v srednevekovoj tradicii [Non-Accidental Eyewitnesses of the Trojan War, or Once Again about Time and the Truth of Evidence in the Medieval Tradition], *Sociologija vlasti = Sociology of Power*, 2016, vol. 33, No. 2, pp. 78–115. (in Russ.)
8. Brown, P.F. *Born Free and Christian: The Origins of Venice According to the Chronicle Tradition*. 2007. Available at: https://www.academia.edu/3278550/Born_Free_and_Christian_the_Origins_of_Venice_According_to_the_Chronicle_Tradition (accessed: 11.11.2022).
9. Poucet, J. Le mythe de l'origine troyenne au Moyen âge et à la Renaissance: un exemple d'idéologie politique, *Folia Electronica Classica*, 2003, No 5. Available at: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/05/anthenor2.html> (accessed: 11.11.2022).
10. Lukin, P.V. *Novgorod i Veneciya* [Novgorod and Venice]. St. Petersburg, Evropejskij universitet, 2022, 302 p. (in Russ.)
11. Martino da Canale. La cronaca dei Veneziani. *Archivio storico italiano*, 1845, vol. 8, 798 p.
12. Cessi, R. *Storia della Repubblica di Venezia*. Milano, Casa editrice Giuseppe Principato, 1968, vol. 1, 434 p.
13. Cracco, G. *Venezia nel medioevo dal secolo XI al secolo XIV*. Torino, Utet libreria, 1986, 166 p.
14. Marco. Frammenti della cronaca di Marco. *Archivio Veneto*, 1881, vol. 22, parte 2, 364 p.
15. Das, S. The Disappearance of the Trojan Legend in the Historiography of Venice. *Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe*, eds. A. Shepard, S. Powell. Toronto, Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2004, pp. 97–114.
16. King, M.L. *Umanesimo e patriziato a Venezianel quattrocento*. Roma, Il Veltro editrice, 1989, vol. 1, 354 p.
17. Mayorov, G.G. *Formirovanie srednevekovoj filosofii* [Formation of Medieval Philosophy]. Moscow, Mysl, 1979, 431 p. (in Russ.)
18. *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini — 1362)*, a cura di R. Pesce. Venezia, Centro di studi medievali e rinascimentali “E.A. Cicogna”, 2010, 185 p.
19. Averintsev, S.S. *Drugoj Rim* [Another Rome]. St. Petersburg, Amphora, 2005, 365 p. (in Russ.)
20. Carile, A. Le origini di Venezia nella cronachistica veneziana, la memoria fittizia dell'aristocrazia lagunare, *Lezioni Marciane 2013–2014: Venezia prima di Venezia: archeologia e mito, alle origini di un'identità*, 2015, No. 1, pp. 51–75.
21. Morosini, A. *The Morosini Codex*, eds. M.P. Ghezzeo, J.R. Melville-Jones, A. Rizzi. Padua, Unipress, 1999, 151 p.
22. Oke, Zh.-K. *Srednevekovaya Veneciya* [Medieval Venice]. Moscow, Veche, 2014, 384 p. (in Russ.)
23. Donald, Q.E. *Il patriziato veneziano, la realtà contro il mito*. Roma, Il Veltro editrice, 1987, 481 p.
24. Finlay, R. *La vita politica nella Venezia del Rinascimento*. Milano, Jaca Book, 1982, 381 p.
25. Grubb, J.S. Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep Ricordanze, *Renaissance Studies*, 1994, vol. 8, No. 4, pp. 375–387.
26. Lane, F. *Zolotoj vek Venecianskoj respubliki* [Venice a Maritime Republic]. Moscow, Centrpoligraf, 2017, 607 p. (in Russ.)
27. Grubb, J.S. *Firstborn of Venice*. Baltimore and London, The Johns Hokins University Press, 1988, 238 p.

28. Veronesi, G.P. *Collateral Promoters of the Venetian Myth: Veronese Chronicles in the Age of Venetian Hegemony*. PhD thesis. Akron, USA, 2015, 507 p.
29. Tateo, F. Coccio, Marcantonio, ditto Marcantonio Sabellico. *Dizionario Biografico degli Italiani*, 1982, vol. 26. Available at: https://www.treccani.it/enciclopedia/coccio-marcantonio-detto-marcantonio-sabellico_%28Dizionario-Biografico%29/ (accessed: 11.11.2022).
30. Sabellico, M.A. *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico*. Venezia, Curtio Troiano Navò, 1544, 293 p.
31. Knapton, M. Venezia e la Terraferma. *Lo Stato del Rinascimento in Italia 1350–1520*, a cura di A. Gamberini, I. Lazzarini. Roma, Viella, 2014, pp. 125–149.
32. Doumerc, B. *Novus rerum nascitur ordo: Venise et la fin d'un monde (1495-1511)*. Chemins d'outre-mer, 2004. Available at: <https://books.openedition.org/psorbonne/3940> (accessed: 11.11.2022).
33. Contarini, G. *O magistratah i ustrojstve Venecianskoj respubliki* [The Commonwealth and Government of Venice]. St. Petersburg, Evropejskij universitet, 2013, 222 p. (in Russ.)
34. Melchiorre, M. Sanudo, Marino il Giovane. *Dizionario Biografico degli Italiani*, 2017, vol. 90. Available at: [https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_(Dizionario-Biografico)) (accessed: 11.11.2022).
35. Sanudo, M. Le vite dei dogi di Marin Sanudo. *Rerum italicarum scriptores*, 1900, vol. 22, parte IV, 576 p.
36. Caroldo, G.G. *Istorie venețiene, vol. I*. Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București, Arhivele Naționale ale României, 2008, 296 p.

Дмитрий Игоревич Гоц, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, idgots@gmail.com

Dmitry I. Gots, Postgraduate Student, Russian State University for the Humanities, idgots@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.11.2022. Принята к публикации 23.12.2022

The paper was submitted 30.11.2022. Accepted for publication 23.12.2022